

Уильям Сароян

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8

Часть сборника
Отважный юноша на летящей
трапеции (сборник)

Уильям Сароян
1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8

«ЭКСМО»

1934

Сароян У.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 / У. Сароян — «Эксмо», 1934

ISBN 978-5-457-60473-5

"В 1927 году, проходя по универмагу Вулворта, он заметил стайку покупателей, быстро перебирающих грампластинки, сложенные высокой стопкой на столе. Он подошел узнать, что там происходит. Оказалось, продают широкий выбор новеньких пластинок фирм «Виктор» и «Брансвик» по пять центов штука. Он уже много месяцев не слушал фонограф. А теперь можно будет снова его завести и поставить пластинку. Фонограф стал частью его натуры. Он сливался с фонографом и звучал из него песней, симфонией либо неистовой джазовой композицией. Он месяцами не подходил к фонографу, и тот стоял у него в комнате, запыленный и безмолвный..."

ISBN 978-5-457-60473-5

© Сароян У., 1934
© Эксмо, 1934

Уильям Сароян 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8

В 1927 году, проходя по универсаму Вулворта, он заметил стайку покупателей, быстро перебирающих грампластинки, сложенные высокой стопкой на столе. Он подошел узнать, что там происходит. Оказалось, продают широкий выбор новеньких пластинок фирм «Виктор» и «Брансвик» по пять центов штука. Он уже много месяцев не слушал фонограф. А теперь можно будет снова его завести и поставить пластинку. Фонограф стал частью его натуры. Он сливался с фонографом и звучал из него песней, симфонией либо неистовой джазовой композицией. Он месяцами не подходил к фонографу, и тот стоял у него в комнате, запыленный и безмолвный.

Пятицентовые пластинки напомнили ему, что его голос молчит и уже давно не раздается из фонографа, а ведь можно было бы снова наслаждаться звучанием своего «я» из машины.

Он отобрал полдюжины пластинок и отнес домой. Он был убежден, что ни одна из них не будет отменной, и в то же время не ожидал ничего такого – не возражал против тривиальной или банальной музыки. Если люди или музыка из рук вон плохи, не мешает к ним внимательно присмотреться. Он знал, что способен разложить по полочкам даже худший американский джаз. Мелодия могла быть идиотской, оркестровка – кричащей и тому подобное, но где-то за этим визгом, если внимательно прислушаться, он умел расслышать и благородный плач, и смех смертного человека. Иногда это был внезапный и скоротечный контрапункт – всего несколько аккордов на банджо. Иногда – печаль в голосе очень посредственного вокалиста, поющего в хоре какой-нибудь бесцветный мотивчик. Иногда – что-то очень случайное, иногда – неизбежное.

С хорошей музыкой этот номер не пройдет. Достоинства хорошей музыки заложены в ней изначально. Не приходится сомневаться, что они предназначены для всех.

Помнится, это было в начале августа. (Я говорю от своего имени.) Много месяцев он не слышал свой голос из фонографа. Теперь же он принес новые пластинки.

В августе молодой человек переживает небывалое оживление: в те дни я работал на телеграфе. Днями напролет я просиживал за столом, работал на телетайпе, посылал и принимал телеграммы, и в конце дня испытывал необычайное оживление, и в то же время терялся, чувствовал себя совершенно не в своей тарелке. Мне казалось, что я настолько погряз в механической рутине нашего века, что и мне суждено превратиться в придаток машины. Сидение перед машиной – это способ зарабатывания средств к существованию. Это мне ужасно не нравилось, но таков уж способ.

Он знал, что заблудился в ней и что из него извлекают внутренности и пересаживают в запутанную массу колес, пружин, молоточков и рычагов – в безотказно работающую железяку, в точности выполняющую одну и ту же функцию.

Весь день я просиживал перед машиной, принося большую пользу американской индустрии. Я аккуратно отправлял важным людям важные телеграммы. Происходящее не имело ко мне никакого отношения, но я сидел там, работая во славу Америки. Думаю, мне хотелось иметь дом. Я жил один в дешевых меблированных комнатах. У меня были пол и потолок да с полдюжины книг, которых я не читал. Они были написаны великими писателями. Я не мог их читать: я сидел целыми днями за столом, помогая своей стране стать величайшей державой в мире. У меня была кровать. Иногда поздно ночью я проваливался в сон от усталости. Человек не может спать, где придется. Если комната ничего для тебя не значит, если она не стала твоей частью, ты не можешь в ней спать. Комната, в которой я жил, не стала

моей частью. Она принадлежала всякому, кто мог ее снять за три доллара в неделю. Я в ней жил. Мне было без малого девятнадцать, и я был безумен, как мартовский заяц.

Ему хотелось иметь дом – место, где можно прийти в себя, вернуться к себе – пространство, защищенное деревом и стеклом, под солнцем, на земле.

Он принес к себе в комнату шесть пластинок. Выглянув в окошко своей комнатухи, он понял, что растерян, и это его позабавило. Об этом можно было вести бесконечные разговоры для развлечения. Еще не сняв шляпу, он ходил по комнате и разговаривал с ней – «ну, вот мы и дома».

Я запомнил, что он ел в тот вечер, но знаю, что еду он подогрел на маленькой газовой горелке, которую квартирная хозяйка предоставила ему для стряпни, а может, для самоубийства. Он что-то поел, помыл и протер посуду, а затем обратил свой взор к фонографу.

Представлялся шанс выяснить, что и как. Была вероятность того, что в джазовой музыке таится информация. Была такая мысль. Благодаря джазу он кое-что узнал о механизмах, о работе американских машин. Он мог вообразить десять тысяч нью-йоркских женщин в огромном зале, сгорбленных над швейными машинками. Мог представить себе машины – выше гор, – которые выполняли работу: вырабатывали электричество, сберегали энергию, выпускали фонарики, локомотивы, консервные банки, саксофоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.